

Федеральное агентство по образованию
ГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт иностранных языков и литературы (ИИЯЛ)
Научно-образовательный центр (НОЦ)
«Инновационное проектирование
в мультилингвальном образовательном пространстве»

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В двух частях

Часть 1

**Филология
Лингвистика**

*Сборник статей
к 60-летию профессора
Тамары Ивановны Зелениной*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2009

УДК 811(068)
ББК 81.2я43
М73

Рецензенты:

Александрова О. В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гудов В. А., кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Удмуртского государственного университета.*

Редакционная коллегия:

Леонов Н. И., доктор психологических наук, профессор;
Пушина Н. И., доктор филологических наук, профессор;
Утехина А. Н., доктор педагогических наук, профессор;
Малых Л. М., кандидат филологических наук, доцент;
Платоненко Н. М., кандидат филологических наук, доцент;
Шутова Н. М., кандидат филологических наук, доцент.

Многоязычие в образовательном пространстве (=Multilingualism in Educational Space): Сборник статей к 60-летию профессора Т. И. Зелениной: в 2 ч. / Под ред. А. Н. Утехиной, Н. М. Платоненко, Н. М. Шутовой. – М.: Флинта: Наука, 2009. – Ч. 1: Филология. Лингвистика. – 364 с.

ISBN 978-5-9765-0876-7 (Флинта) (общ.)
ISBN 978-5-02-037207-8 (Наука) (общ.)
ISBN 978-5-9765-0877-4 (Флинта) (Ч. 1)
ISBN 978-5-02-037208-5 (Наука) (Ч. 1)

Настоящий сборник посвящается юбилею доктора филологических наук, профессора, директора Института иностранных языков и литературы Удмуртского госуниверситета Т. И. Зелениной. Публикуемые статьи затрагивают актуальные проблемы филологии, лингвистики, лингводидактики, образования и др.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов, всех интересующихся современными направлениями исследований в области филологии, лингвистики, педагогики и смежных областей знаний.

УДК 811(068)
ББК 81.2я43

ISBN 978-5-9765-0876-7 (Флинта) (общ.)
ISBN 978-5-02-037207-8 (Наука) (общ.)
ISBN 978-5-9765-0877-4 (Флинта) (Ч. 1)
ISBN 978-5-02-037208-5 (Наука) (Ч. 1)

В качестве заключения можно сделать вывод о том, что в основе оценочных доминант могут присутствовать культурные доминанты, а сами оценочные доминанты, отражая культурные идеалы, становятся и культурными доминантами. Общность культурных доминант позволяет выявить не только общее в языковом сознании разных социумов, но и выявить индивидуальные особенности их мировидения.

Литература

1. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.
2. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культур / Отв. ред. Телия В. Н. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260–265.
3. Гарсиа Лорка Ф. Выступление по аргентинскому радио // Иностранная литература. 1998. № 6. С. 93–95.
4. Зеленина Т. И. Цветов язык и аромат... (история слов, мифы, легенды, были, стихи о цветах): Науч.-популяр. пособие / Сост. Т. И. Зеленина. Ижевск, 1996.
5. Красных В. В. «Свой среди чужих»: Миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.
6. Мед Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи): Монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
8. Dios Luque Durán J., Manjón Pozas F.J. Fraseología, metáfora y lenguaje taurino // Léxico y fraseología. Granada: Método Ediciones, 1998. P. 42–70.

Д. И. Медведева

Удмуртский государственный университет

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗНАКИ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (на материале германских и славянских языков)

В статье рассматриваются запретительные общественные знаки как объект сопоставительной лингвокультурологии. С целью выявления сходств и различий между текстами данного типа на материале английского, немецкого, русского и сербского языков общественные знаки исследуются в лексико-грамматическом, композиционном и ситуативном аспектах.

Ключевые слова: общественные знаки, культурные нормы, культурные стандарты, запрет.

Diana Medvedeva

Udmurt State University

PUBLIC SIGNS AS AN OBJECT OF COMPARATIVE STUDY (based on Germanic and Slavic languages)

The paper concerns prohibitive public signs as an object of comparative linguistics and cultural studies. Similarities and differences between the signs under study in English, German, Russian and Serbian languages were considered in lexical, grammar, composition and situational aspects.

Keywords: public signs, cultural norms, cultural standards, prohibition (forbidding).

Общественные знаки как явление культуры в сопоставительном аспекте, по нашим данным, в настоящее время изучены фрагментарно. В то же время высока значимость данных знаков как фактора, влияющего на межкультурную коммуникацию; это едва ли не первое, с чем сталкивается человек в инокультурной среде (англ. *No smoking*, нем. *Betreten verboten*, рус. *Посторонним вход запрещен*, серб. *Забрањено пушење*); общественные знаки являются непосредственными регуляторами поведения и выразителями норм той или иной культуры посредством языка.

Под общественными знаками – условное соответствие английскому термину *public signs* [1. С. 159] – мы понимаем особый тип текстов, которые отличает ряд лингвистических и экстралингвистических характеристик: краткость объема, стандартизованность, однозначность, императивность, обобщенность адресата, бессубъектность, отсутствие эмоционально-экспрессивной окрашенности, функциональная направленность на регулирование поведения граждан в общественных местах путем информирования или напоминания потенциальным адресатам о необходимости соблюдения принятых в обществе норм поведения [2. С. 13]. Результатом статьи стал комплексный анализ запретительных общественных знаков на материале английского, немецкого, русского и сербского языков с позиций лингвокультурологического подхода. Нами были исследованы лингвистические особенности текстов данного типа, изучены их композиционные и экстралингвистические характеристики.

Наиболее распространенной лексико-грамматической моделью запрещения в исследованных нами общественных знаках является *X + причастие II* (нем. *Parken verboten*), *X + краткое страд. прич. сов. вида* (рус. *Парковка запрещена*), *краткое страд. прич. сов. вида + X* (серб. *Забрањено паркирање*); сфера распространения англоязычных знаков с компонентом *forbidden, prohibited* достаточно ограничена. Большинство запретов в рамках данной модели выражены при помощи причастия от глаголов нем. *verbieten*, рус. *запрещать*, серб. *забрањивати* – базовых лексем со значением запрета. Эксплицитные, однозначные, достаточно категоричные волеизъявления представляют собой универсальный, традиционный способ выражения запрета в трех изученных нами культурах. Преобладание данной модели в общественных знаках указывает на иерархичность общества и дистанцию между субъектом и адресатом запрета.

Преобладание эксплицитной формы выражения запрета обусловлено разными причинами. Распространенность лексико-грамматической модели с *verbieten* в немецкой культуре указывает на потребность в порядке и иерархичность, свидетельствующие о традиционных ценностях общества, где необходимость подчинения воле других ради поддержания порядка воспринимается как должное и является культурной нормой. Распространенность примеров с *запрещено, воспрещено, забрањено* указывает на традиционно высокую дистанцию власти в русской и сербской культурах, усугубленную социалистическим режимом. В англоязычных же общественных знаках наиболее распространенной лексико-грамматической моделью запрещения является *No + [отглагольное] существительное*, и высказывания по данной модели представляют собой скорее правила, нежели запреты: *No trespassing, No parking, No admittance*.

Запреты, выраженные при помощи инфинитивной модели (нем. *Nicht schalten!* рус. *Без упора не работать!* серб. *Не отврати електроормар без електричара*), употребляются преимущественно в ситуациях повышенной опасности, в производственной сфере и отличаются категоричностью предупреждающего характера, обусловленной необходимостью соблюдения техники безопасности. Для них характерны краткость формулировки запрета и использование структуры, где запрещающий элемент (*nicht, ne*) выдвинут на первый план; в центре внимания находится предотвращение либо пресечение нежелательного действия. В отличие от немецких и сербских знаков, в русских примерах сфера употребления данной модели значительно шире, чем ситуации повышенной опасности, что указывает на авторитарность волеизъявлений властных структур (*Не сорить! Не входите! Стол для преподавателей не занимать!*). В англоязычных общественных знаках данная модель отсутствует по причине немаркированности инфинитива.

Лингвокультурная специфика выражения запретов четко прослеживается в функционировании императивных моделей в общественных знаках. Англоязычные знаки по модели *do not + глагол* встречаются почти исключительно в сфере промышленного производства и в ситуациях повышенной опасности (*Do not operate, Do not switch*). В рамках русской и сербской модели *не + глагол в повелительном наклонении* различаются высказывания с глаголами 2 л. ед. и мн. ч., подразумевающие обращение соответственно на

«ты» и на «Вы» (рус. *Не стой под стрелой*, серб. *Не бацај ђубре*, рус. *Не загоразживайте стекло кабины водителя*, серб. *Молимо не улазите док вас не прозову*). Для сербской лингвокультуры знаки на «ты» характерны больше, чем для русской, что прослеживается в распространенных примерах: *Не лупај вратима* (Дверями не хлопать), *Не гази траву* (По газонам не ходить). Немецких знаков, имплицитующих обращение на «ты», нами не обнаружено, а знаки на «Вы» крайне немногочисленны. Данные особенности отражают различие в восприятии императива в изучаемых лингвокультурах. Употребление по отношению к обобщенному адресату форм повелительного наклонения, особенно с обращением на «ты», является нарушением личного пространства и неприемлемо для западной ментальности, но, как показывает языковой материал, это не противоречит нормам коммуникативного поведения в коллективистических русской и сербской культурах.

Для современных немецких и англоязычных общественных знаков характерна тенденция к нивелированию волеизъявления, позволяющая представить запрет не как требование субъекта, противоречащее воле адресата, а как всеобщее и объективное правило, сохраняющее, однако, категоричность (*This is a no smoking area, Handyfreie Zone*). Данная тенденция характерна для индивидуалистических культур, в которых вторжение в личную сферу индивида нежелательно.

В настоящее время прослеживается общая тенденция к смягчению, демократизации запретов, употребляемых в сравнительно безопасных ситуациях (запрет курения: англ. *Thank you for not smoking*, нем. *Danke fürs Nichtrauchen*, рус. *Спасибо, что вы не курите*, серб. *Хвала што не пушите*). Маркеры вежливости англ. *please*, нем. *bitte*, рус. *просьба*, серб. *молимо* придают запрету характер просьбы; в модели с ограничительными частицами англ. *only*, нем. *nur*, рус. *только*, серб. *само* внимание фиксируется на позитивной стороне вещей (разрешении, а не запрете); таким образом, запрет выражается в имплицитной форме (англ. *Authorized personnel only*, нем. *Einfahrt nur für typengenormte Fahrzeuge*, рус. *Стоянка только для сотрудников банка*, серб. *Услуге само за чланове друштва*).

Лингвокультурные особенности выражения запрета в изучаемых текстах, отраженные на композиционном уровне текстовой организации, проявляются в частотности, в наличии или отсутствии обращения к адресату, расположенного в начале текста, и номинации субъекта власти, завершающей данный текст. Большинство исследованных текстов отличает анонимность субъекта и адресата, но имеются исключения, отражающие специфику стратегий воздействия на адресата запрета в исследуемых лингвокультурах.

Обращения к адресату запрета носят характер исключений в англоязычных и немецких общественных знаках и широко распространены в русских и сербских текстах данного типа. Обращения в русских и сербских общественных знаках отличает разнообразие номинаций адресата по социальной роли и роду занятий: в русском материале *уважаемые покупатели, посетители, студенты, водители, пассажиры, зрители, клиенты, пациенты, коллеги* и др.; в сербском *поштовани колеге, корисници, посетиоци, путници, родители, потрошачи, пацијенти* и др. Частотность обращений указывает на ориентированность культуры на адресата, в то время как отсутствие обращений отражает ориентированность на содержание сообщения.

Ссылки на субъект власти либо официальное постановление присутствуют в значительном количестве немецких и русских общественных знаков. Немецкие знаки, снабженные подобными ссылками, содержат безэквивалентную лексику, реалии, информативные в лингвострановедческом плане: *Oberstadtdirektor* (глава городской администрации), *Hausmeister* (управляющий домом), *Studentenwerk* (студенческое управление) и др. Обозначение владельца территории, здания, предприятия в тексте общественного знака отражает высокую ценность частной собственности в немецком обществе: *Betreten der Rasenfläche verboten / Eltern haften für ihre Kinder / Der Grundeigentümer*. Конкретное указание на субъект власти отражает тенденцию к детализации, целью которой является четкое распределение ответственности за поддержание

порядка, что, в свою очередь, иллюстрирует высокий уровень избегания неопределенности и ориентированность на субъекта волеизъявления в немецкой культуре.

В русских общественных знаках наиболее распространенным видом ссылки на субъект власти является лексема *администрация*, применяемая самыми разнообразными учреждениями (*Уважаемые жильцы! Идет ремонт кровли. Просим Вас машины у подъезда не ставить. Администрация; Курить в туалете запрещено! Администрация*). Представляется, что преобладание данного обозначения производит эффект обезличивания субъекта власти.

Ситуативный подход к изучению запретительных общественных знаков позволяет выявить отраженные в запретах нормы общественной жизни, ценности лингвокультуры, а также реалии материальной культуры. В результате применения данного подхода были установлены: а) сферы общественной жизни либо материальной культуры, в которых общественные знаки, содержащие запреты, используются лишь в одной из изучаемых культур и отсутствуют либо незначительно представлены в других культурах; б) сферы жизни общества, в которых посредством общественных знаков закреплены сходные запреты, обладающие ярко выраженной культурно обусловленной спецификой.

В качестве сходств нами выявлено наличие во всех рассматриваемых культурах таких групп общественных знаков, как запреты курения, парковки автомобилей, свалки мусора, выгула собак, вмешательства в процесс работы.

Изучение культурно обусловленных особенностей в нашем материале позволило установить, что различия превалируют над сходствами. Специфичными для немецкой культуры являются общественные знаки, регулирующие досуг детей (*Vorsicht! Garagenausfahrt! Spielen verboten!*), пользование велосипедным транспортом (*Fahrräder abstellen verboten*), размещение рекламной продукции (*Bitte keine Werbung einwerfen*), утилизацию отходов (*Einwurfszeiten von 7 bis 13 Uhr und 15 bis 29 Uhr / Kein Einwurf an Sonn- und Feiertagen*). Для русской культуры характерны знаки, отражающие особенности регулирования частной торговли (*Торговля на территории магазина запрещена*), культуру потребления алкогольных напитков (*Распитие принесенных с собой алкогольных напитков запрещено*), содержащие запреты дотрагиваться до предметов (*Убедительная просьба без надобности открытки руками не трогать*) и входить в помещения в верхней одежде (*Вход в зал в верхней одежде запрещен*). Некоторые особенности сербской культуры иллюстрируют такие примеры, как *Забрањено палење ватре и роштиљање; Овде није пожељно роштиљање* (барбекю – один из излюбленных видов досуга сербов); с частыми войнами на Балканах связано наличие знаков типа *Забрањено уношење оружја и мобилног телефона у цркву*. Знаки в ресторане *Не разбијајте чаше, Свака намерно разбијена чаша се плаћа педесет динара* указывают на сербский обычай разбивать посуду при праздновании особо радостного события [3. С. 79].

Различия в материальной культуре являются внешним проявлением глубинных различий в менталитетах народов, ценностных доминантах и культурных стандартах, понимаемых А. Томасом как все виды восприятия, мышления, оценки и действий, которые рассматриваются большинством представителей определенной культуры в качестве нормы, чего-либо типичного, само собой разумеющегося и обязательного для себя и других [4. С. 9]. Особенно характерным для немецкой культуры представляется регулирование посредством общественных знаков следующих культурных стандартов: охрана тишины и покоя граждан, четкая детализация отрезков времени (для шумных игр, вывоза мусора), разграничение частного и общественного пространства, особая значимость частного пространства, детальное распределение ответственности в случае нарушений запретов, воспитание чувства ответственности за свои действия у детей с раннего возраста, право частных лиц на волеизъявление посредством общественных знаков. Для англоязычной культуры весьма значимы стандарты, связанные с приватной сферой, и в меньшей степени проявляются стандарты, связанные с регулированием других аспектов. Сопоставление русских и сербских общественных знаков приводит к выводу о большей значимости частной собственности в сербской культуре по сравнению с русской.

В связи с существующей потребностью в порядке и в восприятии подчинения запретам как нормы жизни рассматриваемые тексты являются органичными для немецкой ментальности. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в немецкой культуре соблюдению запретов уделяется большее внимание, чем в русской или сербской, а в англоязычной культуре прослеживается тенденция представления запретов в виде правил.

Таким образом, общественные знаки в значительной степени отражают систему ценностей общества, культурные нормы и стандарты.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. *Медведева Д. И.* Языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008.
3. *Попович Л.* Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов // Коммуникативное поведение. Вып. 22. Коммуникативное поведение славянских народов. 2006. С. 61–84.
4. *Yoosefi T., Thomas A.* Beruflich in Russland. Trainingsprogramm für Manager, Fach- und Führungskräfte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003.

T. С. Медведева

Удмуртский государственный университет

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ДОМИНАНТ: ЭТНОСПЕЦИФИЧНЫЙ КОНЦЕПТ *Gemütlichkeit*

*В статье представлен анализ этноспецифического концепта *Gemütlichkeit*. Излагаются значимые основания для отнесения отдельного концепта к культурным доминантам национально-культурного сообщества. Приводятся данные этимологического и компонентного анализа имени концепта, а также результаты ассоциативного эксперимента и контекстуального анализа.*

Ключевые слова: культурная доминанта, концепт, понятийный компонент концепта, образная составляющая концепта, ценностная составляющая концепта.

Tatyana Medvedeva

Udmurt State University

ON STUDYING CULTURAL DOMINANTS: ETHNOSPECIFIC CONCEPT *Gemütlichkeit*

*The paper presents the analysis of the ethnospecific concept *Gemütlichkeit*. Meaningful grounds are given for referring a concept to cultural dominants of the definite national cultural community. The study presents the results of etymological and component analysis of the concept's name as well as the results of association experiment and contextual analysis.*

Keywords: cultural dominant, concept, denotational component of the concept, imagery component of the concept, value component of the concept.

В концептосфере любого национально-культурного сообщества имеются концепты, которые воплощают базовые ценности данной культуры. Такие концепты обозначаются разными авторами как «константы культуры» (Ю. С. Степанов), «ключевые слова языка» (А. Вежбицкая), «ключевые концепты культуры» (В. А. Маслова), «культурные доминанты» (В. И. Карасик). В. И. Карасик определяет культурные доминанты как наиболее значимые для данной культуры смыслы, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [4. С. 169]. В нашем исследовании, вслед за В. И. Карасиком, мы используем данный термин.